

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-82

EDN: RGPNTY

Дело ярославских епископов в контексте антицерковной репрессивной политики в СССР на рубеже 1920-1930-х гг.

Любовь Михайловна Архипова

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
Lubov.a2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-5720>

Аннотация. В статье рассматривается история административного отделения Ярославской церковной области от руководства РПЦ в 1928 г. и последовавшие за этим репрессии против ярославских епископов и мирян в русле инспирированной ОГПУ кампании по борьбе с контрреволюционными организациями. Цель исследования – вывести «дело ярославских епископов» из церковной истории в более широкий социально-политический контекст репрессивных кампаний рубежа 1920-1930-х гг., раскрыв при этом его отличия от преследований других групп населения и лиц. Материалы и методы включают конкретно-исторический анализ сводок ОГПУ за 1928-1934 гг., правовых актов РПЦ за 1918-1929 гг., писем ярославских епископов за 1928-1937 гг., материалов ярославского справочно-библиографического издания о репрессированных в те же годы. Материалы, проанализированные в направлении социальной истории на основе принципов неопозитивистской методологии и аксиологического подхода, представленные в проблемно-хронологической последовательности изложения событий, служат надежным средством достижения поставленной цели. Актуальность исследуемой темы обозначается из историографического обзора, в круг которого вошли наиболее значимые публикации последних лет. Результаты и выводы по истории «дела ярославских епископов» позволяют, прежде всего, отметить его связь с широкой и многолетней политической кампанией по борьбе с «контрреволюционно-монархическими нелегальными организациями церковников» инспирированной властью. Они указывают на необходимость признать эту группу репрессированных пострадавшими за православную веру, а не за политическую деятельность, что влечет за собой выделение их из общего числа «жертв политических репрессий». Научная новизна исследования заключается в том, что «дело ярославских епископов» приобретает значение свидетельства не только о духовно-ценностном смысле, но и о социально-политических целях репрессивной антицерковной кампании советской власти на рубеже 1920-1930-х гг. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в культурно-образовательной и научно-исследовательской деятельности.

© Архипова Л. М., 2024

Ключевые слова: советская власть; политическая борьба; митрополит Агафангел; церковная область; ОГПУ; репрессии

Для цитирования: Архипова Л. М. Дело ярославских епископов в контексте анти-церковной репрессивной политики в СССР на рубеже 1920-1930-х гг. // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 82-96. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-3-24-82>. <https://elibrary.ru/RGPNTY>.

SOCIO-POLITICAL HISTORY OF RUSSIA

Original article

The case of yaroslavl bishops in the context of anti-church repressive policy in the USSR at the turn of the 1920s and 1930s.

Lyubov M. Arkhipova

Doctor of historical sciences, professor at department of russian history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
Lubov.a2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-5720>

Abstract. The article examines the history of the administrative separation of the Yaroslavl church region from the leadership of the Russian Orthodox Church in 1928 and the subsequent repressions against the Yaroslavl bishops and laity in line with the campaign inspired by the OGPU (Unified State Political Department) to combat counter-revolutionary organizations. The purpose of the study is to bring the “case of the Yaroslavl bishops” from church history into the wider socio-political context of the repressive campaigns of the 1920s-1930s, while revealing its differences from the persecution of other groups of the population and persons. Materials and methods include a specific historical analysis of the OGPU reports for 1928-1934, legal acts of the Russian Orthodox Church for 1918-1929, letters of Yaroslavl bishops for 1928-1937, materials of the Yaroslavl reference and bibliographic publication about those repressed in the same years. Analyzed in line with social history on the basis of the principles of neopositivist methodology and axiological approach, presented in a problem-chronological sequence of events, they are reliable means of achieving this goal. The relevance of the topic under study follows from its historiographic review, which included the most significant publications of recent years. The results and conclusions on the history of the “case of the Yaroslavl bishops” allow, first of all, to note its connection with a broad and long-term political campaign to combat the “counter-revolutionary monarchist illegal organizations of churchmen” inspired by the authorities. They point to the need to recognize this group of repressed people as victims of the Orthodox faith, and not for political activity, which entails isolating them from the total number of “victims of political repression”.

Key words: political struggle; Metropolitan Agafangel; church area; OGPU; repressions

For citation: Arkhipova L. M. The case of yaroslavl bishops in the context of anti-church repressive policy in the USSR at the turn of the 1920s and 1930s. *Social and political researches*. 2024;3(24): 82-96. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-3-24-82>. <https://elibrary.ru/RGPNTY>.

Введение

На протяжении многих десятилетий история государственно-церковных отношений в СССР рассматривалась в направлении большевистской концепции, согласно которой РПЦ признавалась политическим врагом советской власти, подлежащим исчезновению по причине своей исторической бесперспективности. В историографии утвердилось представление о политическом характере репрессий против духовенства и мирян на основе обвинений их в подрывной антисоветской, контрреволюционно-монархической деятельности. Полноценное и достоверное научное исследование темы стало возможно только с отказом общества от прежней официальной идеологии и открытием архивных фондов спецхрана, публикацией ранее засекреченных документов об организации и реализации антицерковных гонений. Благодаря усилиям многих историков в последние три десятилетия сложилось относительно полное представление о мотивах, масштабах, правовом оформлении, механизме инспирирования и развертывания репрессивно-карательных кампаний против церковнослужителей [Жукова, 2017; Карманова, 2009; Маслова, 2017; Худобородов, Яшина, 2011; Алешкин, 2012]. Издание эпистолярного наследия репрессированных иерархов церкви, созданного в период их изоляции, позволило историкам РПЦ сосредоточить внимание на изменениях внутри церковных отношений под влиянием антирелигиозной государственной политики. Высказывалось суждение о более сложной, чем представлялось ранее, стратегии взаимоотношений руководства РПЦ в лице заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) с советской властью на рубеже 1920-1930-х гг. [Варакин, 2016; Мазырин, 2007]. Бы-

ло положено начало изучению церковного подполья в СССР в форме катакомбной церкви, внутри которой выделялись разные поведенческие парадигмы [Беглов, 2008].

Изучение историографических источников приводит к наблюдению об отсутствии взаимосвязи между историей новомучеников и исповедников, в которой доминирует мемориальный дискурс с его социально-психологической спецификой, с одной стороны, и социально-политической историей СССР с ее широким арсеналом критических методов обработки источниковой информации, с другой [Марченко, 2008; Маслова, 2017; Безшлеева, 2016]. Ожидает непредвзятой научной оценки реальная степень вовлеченности духовенства и верующих в различные формы оппозиционной борьбы с большевистской властью. История отделения Ярославской епархии от временного руководства РПЦ в 1928 г., рассмотренная в контексте репрессивной государственной политики, позволяет приблизиться к более объективной оценке отношения высших иерархов к советской власти в 1920-1930-е гг. и сократить отмеченный историографический разрыв.

Результаты исследования

Первый юбилей советской власти – 10-я годовщина Великой Октябрьской революции – ознаменовался кризисом хлебозаготовок 1927-1928 гг., что для аграрной страны с преобладанием крестьянского населения, еще не восстановившейся от мировой и Гражданской войн, грозило общенациональным бедствием. Осень 1928 г. отметилась в ряде губерний распространением по деревням нищенства, мешочничества и кабальных сделок вместо справедливых трудовых отношений. Происходил массовый «исход» крестьян в промышленные центры за продовольствием. В информационно-

аналитических обзорах ОГПУ о положении в Ярославской, Владимирской, Калужской, Рязанской губерниях сообщалось не только о стремительном росте цен на хлеб, но и о том, что значительная часть населения питается хлебными суррогатами, об увеличении смертности, особенно детской, из-за острых кишечных заболеваний [«Совершенно секретно», т.6, с. 517].

К этому присоединялись слухи о том, что «в скором времени будет война, и Советская власть будет разбита», «продкризис не изживется до тех пор, пока не переменится власть», власть является безбожной, сатанинской [«Совершенно секретно», т.6, с. 517]. В атмосфере не только апокалиптической мистики, но и здоровых религиозных чувств, происходили протесты против продовольственной и антицерковной политики государства. С конца 1928 г. наблюдался рост массовых выступлений в деревне на религиозной почве, как в абсолютном, так и в относительном выражении – от 43 случаев в 1928 г. до 37 только за первые полгода 1929; от 6 % всех массовых выступлений в СССР в 1928 г. до 22 % к июню 1929 г. Если в 1928 г. в среднем на каждое выступление приходилось 235 участников, то в 1929 г. – до 400 человек. В 1931 г. количество выступлений на религиозной почве почти сравнялось с массовыми протестами против политики раскулачивания и выселения (соответственно 168 и 171) [«Совершенно секретно», т.4, ч. 2, с. 829; т.5, с. 442-443; т.6, с.436, 496-497, 500-501; т.7, с. 204; т. 9, с. 410]. Возникает вопрос: *какую роль играла Русская Православная Церковь в этих социально-политических событиях?*

К концу 1920-х гг. РПЦ фактически находилась на полулегальном положении. В соответствии с Декретом об отделении церкви от государства и последующими подзаконными актами религиозная высшая иерархическая организация в СССР

не подлежала государственной регистрации, то есть была лишена юридических прав. 12 июня 1922 г. вышел Декрет об обязательной регистрации религиозных общин. Ее условия были сформулированы таким образом, что допускали произвол местной администрации. Правовое положение Православной Церкви и органов ее управления, формы нормальных взаимоотношений между ними и органами государственной власти так и не были определены. Патриарх Тихон признавал, что ему не разрешали созвать архиереев для обсуждения церковных дел и вопросов веры, что назначаемые им епископы арестовывались или выслались обратно, местная власть запрещала им служение. Патриарх Тихон в июле 1924 г. распорядился временно прекратить деятельность Патриаршего Священного Синода «ввиду отсутствия его гражданской регистрации» [Архивы Кремля, кн.2, с. 359 (П-169); с. 424-425 (П-177)]. Аналогичным образом ограничены были в управлении епархиальные архиереи. Так, в октябре 1926 г. советские органы Ярославской области отзывались о митрополите Агафангеле как о личности, считающей себя управляющим Ярославской епархией, «каковой в действительности не существует» [Ради мира, 2006, кн.2, с.282, №204].

Как Святейшему Патриарху Тихону, так и всем последующим после его кончины временным главам РПЦ, сотрудники ОГПУ выставляли одну и ту же цену легализации органов высшего и епархиального управления. Обещалось «официальное оформление управления и неприкосновенность тех епископов, кои будут назначены на епархии по соглашению с властью» [Акты, 1994, ч.2, с. 402].

Декларация высших органов управления РПЦ от 29.07.1927 г. об отношении к гражданской власти, а также Указ от 21.10.1928 г. о поминовении за богослужением временного заместителя Патриаршего Местоблюстителя, распоряжение

молиться «о властях», – все это было воспринято в СССР и за рубежом как недопустимый компромисс с богоборческой властью (*Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейскомъ Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1 (14) – 15 (28) февраля 1928. № 3–4 (142–143).*

По всей стране последовали «церковные нестроения», информация о которых регулярно попадала в оперативные сводки ОГПУ [«Совершенно секретно», т.5, с. 443, 509, 580-581, 689]. Всего с 1927 до начала 1930-х гг. от высшего церковного управления отошли около 40 архиереев в пределах СССР и около 30 за границей. Исследователи единодушны во мнении, что таких масштабных нестроений Русская Церковь ранее не знала [Кострюков, 2023, с. 101]. Но никогда раньше она и не подвергалась такому неистовому натиску со стороны государственной власти. Модель политических манипуляций, созданная Троцким еще при провоцировании обновленческого движения, теперь планировалось применить уже непосредственно внутри «тихоновской организации» [Архивы Кремля, кн.1, с. 161-164, 180-181, 251-252, 311-312, 321-333; кн.2, с. 51]. План разрушения РПЦ предусматривал создание внутри ее управления нескольких административных центров, между которыми развернется борьба за влияние. Принцип «разделяй и властвуй» предполагалось реализовать через инспирирование контрреволюционно-монархических заговоров «церковников» и массовые репрессии против тех, кто будет по сфабрикованным делам обвинен в сопротивлении советской власти. В сценарии церковного раскола, родившемся в VI отделении Секретного отдела ОГПУ и последовательно проводившемся в жизнь его начальником Е. А. Тучковым, даже были распределены роли, о чем непосредственные участ-

ники драмы не догадывались [«Сов. секретно. Срочно ... », 2002, с. 363].

Едва ли не впервые открытое обвинение временного высшего церковного руководства в сотрудничестве с ОГПУ появилось в феврале 1928 г. за границей в печатном органе РПЦЗ: «Деятельность Митрополита Сергия и его Синода находится под бдительным оком ГПУ в яйце Тучкова» (*Церковные ведомости, издаваемые при Архиерейскомъ Синоде Русской Православной Церкви за границей. 1 (14) – 15 (28) февраля 1928. № 3–4 (142–143).* Соловецкий узник, Верейский архиепископ Иларион (Троицкий) писал 04.11.1927 г.: «...фактически распорядителем судеб Русской Церкви и Ее епископов, как гонимых, так и протезируемых, т. е. милуемых и поставляемых на кафедры (последнее особенно печально!) является нынешний обер-прокурор “Православной Русской Церкви” Евгений Александрович Тучков» [Акты, 1994, ч.2, с. 525].

В сложившихся обстоятельствах 6 февраля 1928 г. группа ярославских архиереев сообщила заместителю Местоблюстителю Патриаршего Престола Нижегородскому митрополиту Сергию об административном отмежевании Ярославской церковной области от него и Временного Патриаршего Святейшего Синода [Акты, 1994, ч.2, с. 572-574]. Это не было религиозным расколом, поскольку догматическое вероучение и каноническая практика оставались в Ярославской церковной области неизменными. Также сохранялось ее административное единство с Русской и со всеми Восточными Православными Церквями через соблюдение иерархического подчинения Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому), находившемуся в заключении. Наконец, церковно-правовой основой для автономного положения

Ярославской церковной области – вследствие осуществленного «иерархического откола» – служили постановления Святейшего Патриарха Тихона и Святейшего Синода от 18 мая и 20 ноября 1920 г. (№362) [Журнал Московской Патриархии ... Постановление, 2001, с. 21].

Особое значение «Обращению» придавало то, что из пяти подписавших его иерархов трое входили в круг претендентов на временное исполнение высшей церковной власти. Кроме митрополита Агафангела это были Ленинградский митрополит Иосиф (Петровых), в прошлом Ростовский архиепископ, а также викарий Ярославской епархии архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), успевший во время ареста митрополита Сергия и митрополита Иосифа (Петровых) исполнять обязанности заместителя Патриаршего Местоблюстителя в течение ста дней (с 29 декабря 1926 до 7 апреля 1927). В силу этого они были всем известны и могли бы стать организующим центром для разрозненной «правой оппозиции» временному руководству РПЦ. Документ подписали еще два викарных архиерея – Любимский архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и Ростовский епископ Евгений (Кобранов). Они характеризовались сотрудниками ОГПУ как «реакционное духовенство» и, начиная с 1919 г., подвергались арестам, тюремному заключению и ссылкам [«Совершенно секретно», т.4,ч.1, с. 189; Все мы – Христовы, т.1, с. 168-169, 333].

История с «Обращением» ярославских архиереев не обошлась без участия Тучкова. В ходе следствия в 1930 г. митрополит Иосиф (Петровых) показал: «Прежде чем эта декларация получила широкую огласку, митрополит Агафангел и я были неожиданно вызваны в Ярославское ГПУ, где нас принял приехавший из Москвы тов. ТУЧКОВ <...> ТУЧКОВ задал Агафангелу вопрос, что такое затевается в Ярославле против Сергия, мит-

рополит Агафангел сообщил сущность своей декларации и при этом спросил: как вы посмотрите на это выступление, не находите ли его контрреволюционным, долженствующим вызвать с вашей стороны какие-либо неприятности (репрессии) для нас, или нет. Тов. ТУЧКОВ заявил, что этого он не думает, и никакого вмешательства в ваши дела со стороны ГПУ не предполагается. Затем, после некоторых разговоров о делах церковных оба мы были отпущены с миром» [Ради мира, кн.2, с. 314].

После церковной Декларации от 29.07.1927 г. об отношении к гражданской власти признание легитимности митрополита Сергия и его распоряжений рассматривалось всеми, включая сотрудников ОГПУ, как индикатор политической позиции. В структуре информационно-аналитических обзоров ОГПУ этому сюжету уделялось постоянное внимание. В них ярославские епископы упомянуты как «группа Агафангела», наряду со ссыльными епископами в числе «непримиримых» по отношению к новому церковному курсу [«Совершенно секретно», т.5.,с. 442].

Между тем митрополита Агафангела с его викариями отличало от многих других противников сближения церкви с государством то, что они не порывали молитвенного общения с высшей церковной властью, хотя и не считали ее решения обязательными для Ярославской церковной области. Об этом свидетельствуют личные письма митрополита Агафангела к митрополиту Сергию за февраль-апрель 1928 г., а также официальное разъяснение ярославских епископов от 10.05.1928 г., сделанное по требованию Синода и под угрозой лишения их сана за уклонение в раскол [Акты, 1994, ч.2, с. 608, 610].

Ключевые слова митрополита Агафангела, обращенные к митрополиту Сергию: «Мы остаемся с Вами в союзе веры и молитвы» [Акты, 1994, ч.2, с.601],

подчеркивали принципиально значимое для сохранения церковного мира вероисповедное единство двух высших иерархов Русской Церкви. Митрополит Агафангел не признавал за собой не только уклонения в раскол, но также и за своим оппонентом. В этом состояло главное отличие «ярославского иерархического откола» от других «антисергианских» движений, прежде всего от «истинно православных христиан», характеризовавших «сергианство» как ересь и догматически враждебное РПЦ учение. Митрополит Агафангел категорически отмежевался от них [Акты, 1994, ч.2, с. 601-602].

Руководство РПЦ, заинтересованное в преодолении кризиса внутри церковных отношений, посчитало за благо после ряда дисциплинарных мер по отношению к ярославским епископам признать их объяснения от 10.05.1928 г. актом раскаяния и основанием для восстановления административно-канонического подчинения Ярославской церковной области заместителю Патриаршего Местоблюстителя и Временному Синоду [Акты, 1994, ч.2, с. 616].

Достигнутый компромисс, при котором обе стороны не изменили своей принципиальной позиции, дал возможность ярославскому духовенству осуществлять свою миссию. Она заключалась в том, чтобы ограждать религиозную совесть мирян от смуты, сдерживать праворадикальные порывы церковных активистов, удаляться в равной степени от оппозиционных движений, чреватых расколом, и от проводимой высшим церковным управлением политики лояльности к богоборческой власти. Ярославские клирики считали, что позиция митрополита Агафангела и его викариев дала возможность им и мирянам жить «в строгом Православии!» [Ради мира, 2006, кн.2, с. 399]. Митрополит Сергей проявил не меньшую проницательность, когда при-

знался: «Не мил я ярославцам оказываюсь потому, что не хочу оставаться с ними при «Святой Руси», хочу устраивать для Церкви возможность жизни при новых условиях. <...> Страница со Святой Русью уже перевернута...» [Ради мира, 2006, кн.2, с. 446].

Как известно, Святая Русь была приговорена большевиками к уничтожению, поэтому не удивительно, что на ярославских епископов обрушились репрессии. Уже в середине февраля был арестован и выслан под наблюдение ОГПУ в Буйницкий монастырь Могилевской области архиепископ Серафим (Самойлович). С этого времени и до мученической кончины в 1937 г. он уже не был на свободе ни одного дня – ссылки чередовались с ИТЛ [Все мы – Христовы, т.2, с. 491-493].

Причиной преследования по статье 58-10 УК РСФСР, предусматривавшей наказание за призывы к свержению советской власти, были его «Послание ко всей Церкви» (20.01.1929 г.) и «Деяние» (17.09.1933 г.) – два церковные по форме и содержанию документа с рекомендациями архипастырям руководствоваться в делах управления епархиями принципами автономного устройства. В историю с «Посланием» свой вклад внесли идейные вдохновители политического направления «антисергианцев», документ распространялся нелегально, но был известен не только в Московской Патриархии, но и в ОГПУ. После постоянных арестов и обвинений в контрреволюции священномученик Угличский архиепископ Серафим (Самойлович) был расстрелян 4 ноября 1937 г. в Сиблаге [«Послание»; Николаев, 2019; Все мы – Христовы, т.2, с. 493].

В конце февраля 1928 г. был арестован и также выслан под наблюдение ОГПУ в Николо-Моденский монастырь Ленинградской области митрополит Иосиф (Петровых) [Все мы – Христовы, т.1,

с.421]. Ленинградская оппозиция временному руководству РПЦ стала называться его именем. Тактика полулегального оппозиционного движения «иосифлян» заключалась в привлечении на свою сторону как можно большего числа епископов, которые смогут заменить собой «сергианцев» в органах высшего церковного управления, она была обречена на неуспех [Шкаровский, с. 29, 33].

Условия подконтрольного монастырского пребывания митрополита Иосифа (Петровых) в тот период не ограничивали его активных связей с внешним миром, включая ленинградских викарных епископов. В этом проявлялась заинтересованность Тучкова в церковном расколе и развитии ростков «иосифлянского» движения.

Оно быстро набирало силу, широко распространяясь по епархиям Северо-Западной, Центрально-Черноземной областей страны, в Московской области, на Украине, Кавказе, Урале, Сибири. Летом 1928 г. насчитывалось до 2 700 «иосифлянских» приходов, что составляло 11 % их общего количества. Численность белого и черного «иосифлянского» духовенства достигла 3,5 тыс. По количеству показателей движение приближалось к обновленческому, было идеологически неоднородным и социально пестрым. Местами оно выходило за религиозные рамки, наполняясь политическим содержанием, а митрополит Иосиф невольно стал знаменем для всех участников движения [Шкаровский, 1999, с. 26, 34-35]. Сам он пояснял на следствии, что антисергианские общины не имели никакого политического оформления, не было у них какой-либо общей программы действий. «Их неписанный лозунг был – совершенное отречение от светской политики в сторону только церковного дела» [«Я иду только за Христом ... », 2002, с. 396].

В условиях острой социальной борьбы происходило слияние разных мотивов и движущих сил. Статистика массовых выступлений на религиозной почве за 1928-1929 гг., представленная в обзорах ОГПУ, отразила эту специфику: инициаторами выступлений были в 44 случаях – «духовенство и церковники», вставшие на защиту храмов и богослужений, в 21 – кулаки, в 5 – торговцы в 4 – бедняки и середняки. В ОГПУ признавали, что наличие в числе активных участников выступлений «кулачества и антисоветского элемента» приводило к тому, что религиозные выступления из протестов против антицерковных мероприятий иногда перерастали в открытые антисоветские выступления, сопровождалась «угрозами по адресу представителей органов власти, а в ряде случаев и их избиванием» [«Совершенно секретно», т. 7, с. 204].

7 августа 1928 г. был арестован по обвинению в «антисоветской агитации», «религиозной обработке молодежи» и организации церковной благотворительности Ростовский епископ Евгений (Кобранов). Арест был обусловлен его личным отношением к действующей высшей церковной власти. В обращении к благочинному округа Ростовского уезда викарий распорядился не подчиняться указам «Новообновленческого Синода, возглавляемого Сергием, митрополитом Нижегородским». Он прервал каноническую связь с митрополитом Сергием и перешел в подчинение митрополита Иосифа, но активного участия в «иосифлянском движении» не принимал. 28 октября 1928 г. епископ Евгений был приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан, затем два года находился в тюремном заключении, сменившись высылкой в Вологду. За ней последовали новый арест и ссылка в Казахстан, арест и тюремное заключение. 20.11.1937 г. епископ Евгений был расстрелян вместе с митрополитом Иосифом (Петровых) по решению тройки НКВД

[Ради мира, 2006, кн.2, с. 361; Все мы – Христовы, т. 1, с. 334-335].

«Любимский архиепископ Варлаам (Ряшенцев) был арестован 7 сентября 1929 г. В сводке ОГПУ сообщалось, что руководимая им группа из 35 “реакционных попов Ярославского, Рыбинского, Кинешемского и Александровского округов” “под видом внутрицерковной борьбы” вела антисоветскую агитацию под лозунгом “Лояльное отношение к советской власти – измена православию”» [«Совершенно секретно», т.8, ч.2, с. 1299].

Ложь выдвинутого обвинения не трудно разоблачить. Именно архиепископ Варлаам прилагал большие усилия к сохранению церковного мира между Ярославской епархией и руководством РПЦ на прежних компромиссных основаниях, без фактического выполнения тех распоряжений митрополита Сергия, которые воспринимались многими верующими как отступничество. В епархиальное управление поступали письма от клириков и мирян, в которых архиепископа Варлаама даже называли «красным», несправедливо обвиняя в ереси и предательстве Церкви [Страж Церкви, 2018, с. 255].

После ареста все последующие 13 лет жизни священномученик архиепископ Варлаам провел в тюрьмах, в ИТЛ ОГПУ в Котласе, в ссылке на Севере. В августе 1941 г. его приговорили к расстрелу за создание «широко разветвленной контрреволюционной организации церковников», но в ноябре расстрел был заменен 10 годами ИТЛ. Спустя два месяца, 20 февраля 1942 г., архиепископ Варлаам скончался в тюрьме в Вологде [Все мы – Христовы, т.1, с. 169].

К осени 1929 г. в Ярославской епархии уже не осталось никого из тех епископов, кто участвовал в правовом и практическом осуществлении ее неполного, «ограниченного религиозной сове-

стью» и местными обстоятельствами, неподчинения высшему церковному управлению. Важно отметить, что постоянные аресты и ссылки викарных епископов приводили к разрушению созданной по Определениям Священного Собора 1917-1918 гг. и Указу ВЦУ от 23 июня 1919 г. организации епархиального управления, рассчитанной на укрепление связи руководства и паствы [Священный Собор, вып.1,с.18-19; вып.3, с. 42].

Романовский викарий, епископ Вениамин (Воскресенский) отбывал ссылку в Казахстане и не участвовал в «деле» ярославских епископов, однако у него была своя роль в этой истории. В открытом Послании («увещательном письме») своей пастве от 25 января 1929 г. он призвал ее к жизни по церковному уставу – иерархическому подчинению и дисциплине. «Доколе митрополит Сергий не осужден Церковью, он остается законным митрополитом и Заместителем» [Страж Церкви, 2018, с. 302]. В личных письмах он высказался полнее: в богоборческом государстве христианину «остается скорбеть и терпеть, покоряться действительности. Покоряться не идеологически, он хранит свои принципы как святыни» [Страж Церкви, 2018, с. 323]. Первыми читателями были местные сотрудники ОГПУ, они даже в цитатах из Священного Писания видели свой профессиональный смысл – последовало обвинение автора в призыве к борьбе с безбожной властью.

Эта фальсификация смыслов в документах есть лишь частный случай проявления общего принципа революционной законности в системе советского судопроизводства в 1920-1930-е гг. Современные юристы назвали его «гибридом законности и беззакония», позволявшим процессуальное манипулирование в зависимости от политической конъюнктуры, от целесообразности [Безверхова, 2017].

Романовского владыку приговорили к 10 годам заключения в ИТЛ ОГПУ и этапировали в Туркестан. 5 октября 1932 г. священномученик Романовский епископ Вениамин (Воскресенский) скончался в лагерной больнице [Страж Церкви, 2018, с. 137-140].

Заключение

Таким образом, замысел большевистской власти после распространения обновленческого движения в РПЦ спровоцировать новые распри теперь уже между «тихоновцами» возник еще в 1922 г., но его реализация началась только после кончины Патриарха Тихона и возникшей церковно-правовой коллизии вокруг преемственности церковной власти. Тогда же проявилась необходимость в нивелировании такого фактора повышенной социальной напряженности в стране как массовые выступления на религиозной почве, количество и активность которых неуклонно возрастали, выходили на уровень острой политической борьбы. Запуская интригу с церковной Декларацией, ОГПУ могло рассчитывать на достижение сразу нескольких целей. Посеяв смуту в сознание верующих, можно было ослабить народное сопротивление антицерковным мероприятиям власти, от проведения которых она не отказывалась по идеологическим причинам; выявить наиболее активных представителей церковной общественности и посредством репрессий вывести ее из круга идеологических противников, а также внушить страх в сознание более широких масс; разрушить единство и «обескровить» РПЦ как основу не только национальных религиозно-культурных ценностей, но и всего традиционного крестьянского уклада, против которого была направлена тогда же начавшаяся коллективизация.

«Ярославское дело» продемонстрировало, что из ситуации принципиального

неприятия церковно-государственной политики заместителя Патриаршего Местоблюстителя Нижегородского митрополита Сергия и Временного Священного Синода есть *два выхода*. *Первый путь* – это путь сдержанного компромисса, но без умаления религиозной совести и архиерейского достоинства, компромисса ради сохранения единства РПЦ и защиты от репрессий ее членов. По этому пути вел свою паству митрополит Агафангел, благодаря его авторитету и положению старейшего иерарха в РПЦ, ему это вполне удалось. Ярославское духовенство и миряне в своем большинстве понимали, что сохранением «боголюбезного мира церковного» в условиях духовной смуты, охватившей соседние епархии, они обязаны его подвижничеству. «Даже и тогда, когда он находил погрешности в церковной жизни и свидетельствовал о них как исповедник, он не прерывал церковного и молитвенного общения с Заместителем, не творил раскола...» [Ради мира, 2006, кн.2, с. 405]. Этой же позиции придерживались священномученики архиепископ Варлаам (Ряшенцев) и епископ Вениамин (Воскресенский).

Второй путь – бескомпромиссного жертвенного противостояния, вдохновляемого задачей спасения Церкви от внешнего руководства со стороны воинственно-атеистической власти и тем самым защиты ее от опасности внутреннего разложения, от утраты ее архиереями и мирянами истинно-православной веры. Таким путем последовали священномученики митрополит Иосиф (Петровых), архиепископ Серафим (Самойлович) и епископ Евгений (Кобранов). Вследствие их очевидной оппозиционности митрополиту Сергию (Страгородскому) в признании общих «радостей и печалей» у гонимой Церкви и преследующего ее безбожного государства, к религиозному по смыслу движению примкнули широкие социальные слои – от интеллигенции до крестьян

яинства. Это сближение фиксировалось в оперативных сводках ОГПУ, а отмеченные различия в мотивации и тактике деятельности духовенства были для них нюансами. Ими пренебрегали, исходя из того, что все подписавшие «Обращение» 6 февраля 1928 г. за исключением митрополита Агафангела, обвинялись по политической статье УК РСФСР как организаторы региональных отделений никогда реально не существовавшей подпольной Всесоюзной контрреволюционно-монархической организации «Истинно Православная Церковь» (ИПЦ). Ложный характер этих обвинений разоблачен и

факты указывают на необходимость признать эту группу репрессированных пострадавшими за православную веру, а не за политическую деятельность, что влечет за собой выделение их из общего числа «жертв политических репрессий». Остается добавить, что, спровоцировав верующих на открытое самоопределение в оценке нового курса в церковно-государственных отношениях, чекистам только оставалось «собрать плоды», и они перешли от тактики выборочных арестов наиболее известных иерархов к практике массовых репрессий против духовенства и мирян.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 гг. Сб. в 2-х ч. / Сост. [и авт. примеч.] М. Е. Губонин. Москва : Изд-во ПСТБИ, 1994.
2. Алешкин П. Ф. Антирелигиозная политика советского государства и протестные настроения крестьянства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 40. С. 162-165.
3. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и Церковь. 1922-1925. Москва-Новосибирск : РОСПЭН; Сибирский хронограф, 1997-1998.
4. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. 352 с.
5. Безверхова С. В. Революционная законность как социалистический проект // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сб. ст. / отв. ред. О. В. Горбачев. Екатеринбург: Уральский Федеральный Университет им. Б. Н. Ельцина, 2017. С. 194-202.
6. Безшлеева А. Ю. Проблема новомученичества в исследованиях современных историков // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 102-105.
7. Варакин С. А. Проблема взаимоотношения Советской власти и Церкви в 1920-1930-е гг.: современная историография // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. №1. С. 38-48.
8. Все мы – Христовы. Священнослужители и миряне земли Ярославской, пострадавшие в годы гонений за веру православную. 1918-1953. Краткие биографические сведения. / Сост. Еп. Вениамин (Лихоманов), монах Игнатий (Волков), [и др.]. Т.1-3. Ярославль, 2012-2017.
9. Жукова Н. Е. Проблематика политических репрессий 1930-х гг. в современных региональных исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 3. С. 78-83.
10. Журнал Московской Патриархии за 1931-1935 годы. Москва : Издательский совет Русской Православной Церкви, 2001. 272 с.

11. Карманова Г. Н. Жизнь православных верующих по сводкам ОГПУ 1930 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28 (166). История. Вып. 34. С. 148–153.
12. Кострюков А. А. Лекции по истории Русской Церкви (1917–2008) : учебное пособие. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2023. 368 с.
13. Мазырин А. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-1930-х гг. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2006. 444 с.
14. Мазырин А., свящ. К истории взаимоотношений церковной и государственной властей в конце 1920-х – 1930-х гг. Т. 1. // XVII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 256-264.
15. Марченко А. Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX – начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15 (116). С. 164-177.
16. Маслова И. И. Государство и Русская Православная церковь в XX веке: историографический аспект // Символ науки: международный научный журнал. 2017. Т.2, № 1. С. 144-148.
17. Николаев С. К. «Деяние» архиепископа Серафима (Самойловича) и полемика относительно его позиции в кругу близких ему лиц в 1933-1934 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 90. С. 117-148.
18. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. Москва : Изд-во ПСТБИ, 2003. Вып. 11. С. 281-305.
19. Постановление Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 года. URL: <https://drevo-info.ru/articles/6102.html> (дата обращения: 20.05.2024).
20. Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. Кн. 2. / сост. И. Г. Менькова [и др.]. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2006. 568 с.
21. Священный Собор Православной Российской Церкви. Собрание Определений и Постановлений. Вып. 1. Прил. к «Деяниям» второе. Вып. 3. Москва : Издание Соборного Совета, 1918.
22. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сб. док. в 10 т. / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. Москва : ИРИ РАН, 2001-2017.
23. «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. Москва : Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 362–385.
24. Страж Церкви Христовой: Священномученик Вениамин (Воскресенский), жизненный путь, письма, документы / Сост. Епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин (Лихоманов), И. Г. Менькова. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2018. 432 с.
25. Худобородов А. Л. Репрессивная политика Советского государства в отношении Русской Православной церкви (1920-1930-е гг.) / А. Л. Худобородов, М. А. Яшина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. Вып. 17. С. 61-65.
26. Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. Санкт-Петербург : Мемориал, 1999. 400 с.

27. «Я иду только за Христом...»: Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ., вступл. и примеч. А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 9. Москва : Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 376-424.

Reference list

1. Akty Svjatejshego Tihona, Patriarha Moskovskogo i vseja Rossii, pozdnejšie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshej cerkovnoj vlasti. 1917-1943 gg. = Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence on the canonical succession of the highest church power. 1917-1943: Sb. v 2-h ch. / Sost. [i avt. primech.] M. E. Gubonin. Moskva : Izd-vo PSTBI, 1994.

2. Aleshkin P. F. Antireligioznaja politika sovetskogo gosudarstva i protestnyje nastroyeniya krest'janstva = Anti-religious policy of the Soviet state and protest sentiments of the peasantry // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta. 2012. № 40. S. 162-165.

3. Arhivy Kremlja. V 2-h kn. Politburo i Cerkov'. 1922-1925 = Kremlin archives. In the 2nd book Politburo and Church. 1922-1925. Moskva-Novosibirsk : ROСПJeN ; Sibirskij hronograf, 1997-1998.

4. Beglov A. V poiskah «bezgreshnyh katakomb». Cerkovnoe podpol'e v SSSR = In search of “sinless catacombs”. Church underground in the USSR. Moskva : Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, «Arefa», 2008. 352 s.

5. Bezverhova S. V. Revoljucionnaja zakonnost' kak socialisticheskij proekt = Revolutionary legality as a socialist project // Jepoha socialisticheskoy rekonstrukcii: idei, mify i programmy social'nyh preobrazovanij : sbornik statej / otv. red. O. V. Gorbachev. Ekaterinburg : Ural'skij Federal'nyj Universitet im. B. N. El'cina, 2017. S. 194-202.

6. Bezshleeva A. Ju. Problema novomuchenichestva v issledovanijah sovremennyh istorikov = The problem of new martyrdom in the research of modern historians // Obshestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2016. № 4. S. 102-105.

7. Varakin S. A. Problema vzaimootnoshenija Sovetskoy vlasti i Cerkvi v 1920-1930-e gg.: sovremennaja istoriografija = The problem of the relationship between Soviet power and the Church in the 1920-1930s: modern historiography // Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Serija: Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii. 2016. №1. S. 38-48.

8. Vse my – Hristovy. Svjashhennosluzhiteli i mirjane zemli Jaroslavskoj, postradavshie v gody gonenij za veru pravoslavnuju. 1918-1953. Kratkie biograficheskie svedeniya = We are all Christ. Clergy and laity of the land of Yaroslavl, who suffered during the years of persecution for the Orthodox faith. 1918-1953. Biographical Summary / Sost. Ep. Veniamin (Lihomanov), monah Ignatij (Volkov), [i dr.]. T.1-3. Jaroslavl', 2012-2017.

9. Zhukova N. E. Problematika politicheskijh repressij 1930-h gg. v sovremennyh regional'nyh istoricheskijh issledovanijah = Problems of political repression of the 1930s. in modern regional historical studies // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija Vnutrennej Azii. 2017. № 3. S. 78-83.

10. Zhurnal Moskovskoj Patriarii za 1931-1935 gody. Journal of the Moscow Patriarchate for 1931-1935. Moskva : Izdatel'skij sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, 2001. 272 s.

11. Karmanova G. N. Zhizn' pravoslavnyh verujushhijh po svodkam OGPU 1930 goda = The life of Orthodox believers according to the reports of the OGPU in 1930 // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 28 (166). Istorija. Vyp. 34. S. 148-153.

12. Kostjukov A. A. Lekcii po istorii Russkoj Cerkvi (1917–2008) = Lectures on the history of the Russian Church (1917-2008) : uchebnoe posobie. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2023. 368 s.
13. Mazyrin A. Vysshie ierarhi o preemstve vlasti v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1920-1930-h gg. =The highest hierarchs on the succession of power in the Russian Orthodox Church in the 1920-1930s. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2006. 444 s.
14. Mazyrin A., svjashh. K istorii vzaimootnoshenij cerkovnoj i gosudarstvennoj vlastej v konce 1920-h – 1930-h gg. = To the history of relations between church and state authorities in the late 1920s – 1930s T. 1. // XVII Ezhegodnaja Bogoslovskaja konferencija PSTGU: V 2 t. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2007. S. 256-264.
15. Marchenko A. N. Gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v SSSR v trudah svetskikh i cerkovnyh issledovatelej XX – nachala XXI veka = State-church relations in the USSR in the works of secular and church researchers of the XX – beginning of the XXI century // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 15 (116). S. 164-177.
16. Maslova I. I. Gosudarstvo i Russkaja Pravoslavnaja cerkov' v XX veke: istoriograficheskij aspekt = State and the Russian Orthodox Church in the 20th century: historiographic aspect // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2017. T. 2. № 1. S. 144-148.
17. Nikolaev S. K. «Dejanie» arhiepiskopa Serafima (Samojlovicha) i polemika otnositel'no ego pozicii v krugu blizkikh emu lic v 1933-1934 gg. = “Act” of Archbishop Serafim (Samoilovich) and controversy regarding his position in the circle of persons close to him in 1933-1934 // Vestnik PSTGU. Serija II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2019. Vyp. 90. S. 117-148.
18. «Poslanie ko vsej Cerkvi» svjashhennomuchenika Serafima Uglichskogo ot 20 janvarja 1929 goda = “Message to the whole Church” by Holy Martyr Seraphim of Uglich dated January 20, 1929 / Publ. O. V. Kosik // Bogoslovskij sbornik. Moskva : Izd-vo PSTBI, 2003. Vyp. 11. S. 281-305.
19. Postanovlenie Svjatejshego Patriarha Tihona, Svjashhennogo Sinoda i Vysshego Cerkovnogo Soveta Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi ot 7/20 nojabrja 1920 goda = Resolution of His Holiness Patriarch Tikhon, the Holy Synod and the Supreme Church Council of the Orthodox Russian Church of November 7/20, 1920. URL: <https://drevoinfo.ru/articles/6102.html> (data obrashhenija: 20.08.2024).
20. Radi mira cerkovnogo: Zhiznennyj put' i arhipastyrskoe sluzhenie svjatitelja Agafangela, mitropolita Jaroslavskogo, ispovednika = For the sake of church peace: The life path and archpastoral ministry of St. Agafangel, Metropolitan of Yaroslavl, confessor Kn.2. / Sost. I.G Men'kova [i dr.]. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2006. 568 s.
21. Svjashhennyj Sobor Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi. Sobranie Opredelenij i Postanovlenij. Vyp. 1. Pril. k «Dejanijam» vtoroe = Holy Council of the Russian Orthodox Church. Collection of Definitions and Resolutions. No. 1. App. to “Acts” the second. Vyp. 3. Moskva : Izdanie Sobornogo Soveta, 1918.
22. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922-1934 gg.) = “Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922-1934): Sb. dok. v 10 t. / otv. red. A. N. Saharov, V. S. Hristoforov. Moskva : IRI RAN, 2001-2017.
23. «Sov. sekretno. Srochno. Lichno. Tov. Tuchkovu»: Donesenija iz Leningrada v Moskvu, 1927–1928 gody = “Top secret. Urgent. Personally. Comrade. Tuchkov”: Reports

from Leningrad to Moscow, 1927-1928 / Publ., vstupl. i primech. A. Mazyrina // Bogoslovskij sbornik. Vyp. 10. Moskva : Izd-vo PSTBI, 2002. S. 362–385.

24. Strazh Cerkvi Hristovoj: Svjashhennomuchenik Veniamin (Voskresenskij), zhiznennyj put', pis'ma, dokumenty = Guardian of the Church of Christ: Holy Martyr Benjamin (Resurrection), life path, letters, documents / sost. Episkop Rybinskij i Danilovskij Veniamin (Lihomanov), I. G. Men'kova. Moskva : Izd-vo PSTGU, 2018. 432 s.

25. Hudoborodov A. L. Repressivnaja politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii Russkoj Pravoslavnoj cerkvi (1920-1930-e gg.) = Repressive policy of the Soviet state towards the Russian Orthodox Church (1920s-1930s) / A. L. Hudoborodov, M. A. Jashina // Vestnik JuUrGU. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2011. Vyp. 17. S. 61-65.

26. Shkarovskij M. V. Iosifljanstvo: techenie v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi = Josephism: a current in the Russian Orthodox Church. Sankt-Peterburg : Memorial, 1999. 400 s.

27. «Ja idu tol'ko za Hristom...»: Mitropolit Iosif (Petrovyh), 1930 god = “I only follow Christ”...: Metropolitan Joseph (Petrov), 1930 / Publ., vstupl. i primech. A. Mazyrina // Bogoslovskij sbornik. Vyp. 9. Moskva : Izd-vo PSTBI, 2002. S. 376-424.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted on 21.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication on 12.08.2024